

УДК 0275.171:027.54(470)

ББК 76.191(2Рос)РГБ.дЛихачёв Н.П., 2ю14

DOI 10.25281/2411-2305-2024-2-87-117

О.Н. Наумов

Эпистолярное наследие историка, библиографа и библиофила Н.П. Лихачева в отделе рукописей Российской государственной библиотеки

Реферат. В статье анализируется эпистолярное наследие историка, библиофила, библиографа, искусствоведа и коллекционера академика Н.П. Лихачева (1862–1936), которое хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Всего обнаружено 109 писем и телеграмм (относятся к периоду с 1885 по 1927 г.). Эти тексты содержат разнообразную и достоверную информацию об основных событиях биографии, научных интересах и личности выдающегося ученого, в том числе о дискуссии в связи с изданием его фундаментальной монографии о разрядных дьяках XVI в. (1888), его вкладе в изучение иконописи, публикаторской деятельности, сотрудничестве в общественных организациях, отношении к книге как явлению культуры, библиофильских предпочтениях. Большинство писем находится в фонде антиквара-букиниста П.П. Шибанова и касается формирования библиотеки историка, покупки книг, критериев их отбора, цен на антикварные издания, распространения собственных сочинений. Особое внимание уделено судьбе Н.П. Лихачева после 1917 г., в первую очередь трудностям, с которыми он сталкивался в научной деятельности и повседневной жизни. Эпистолярные источники существенно расширяют и уточняют представления современной науки о развитии многих областей отечественного гуманитарного знания: книговедения, библиофильства, археографии, искусствоведения, медиевистики, источникововедения и др.

Ключевые слова: Н.П. Лихачев, П.П. Шибанов, Л.Э. Бухгейм, Н.Н. Орлов, Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Российская государственная библиотека, эпистолярные источники, личные архивные фонды, история книжной культуры, книговедение, библиография, археография, букинистическая торговля.

Олег Николаевич Наумов

Российская государственная библиотека,
Центр по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе, ведущий научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия
Государственный университет просвещения,
кафедра всеобщей истории
профессор
Веры Волошиной ул., д. 24,
г. Мытищи, Московская обл.,
141014, Россия
доктор исторических наук,
профессор
ORCID 0000-0002-2442-2561
onnaum@mail.ru

Для цитирования: Наумов О.Н. Эпистолярное наследие историка, библиографа и библиофила Н.П. Лихачева в отделе рукописей Российской государственной библиотеки // Библиография и книговедение. 2024. № 2. С. 87–117. DOI: 10.25281/2411-2305-2024-2-87-117.

Изучение историографического опыта русской исторической науки осложнена постоянно возникающей при реконструкции биографического и творческого пути многих ученых проблемой, а именно — малочисленностью и фрагментарностью сохранившихся источников. По этой же причине затруднено и осмысление творческого наследия крупнейшего историка, библиографа, книговеда, источниковеда, палеографа, искусствоведа и коллекционера академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936) ([о нем см.: [1; 2; 3; 4]).

В его архивном фонде [5]¹ имеются существенные лакуны, в том числе сохранилась незначительная часть переписки, причем от большинства корреспондентов тексты единичны, хотя эпистолярное общение могло быть и длительным, и интенсивным. Масштабы утрат демонстрирует такой факт: известно более 10 писем Н.П. Лихачева к генеалогу и библиофилу Л.М. Савелову [8, л. 41–56], но нет ни одного ответного текста.

Между тем эпистолярные источники могут содержать уникальную информацию, которую невозможно почерп-

нуть из других материалов, в частности официальных. В них обсуждались события научной и общественно-политической жизни, методика исследований, новые и неосуществленные исследовательские проекты, отношения с коллегами, поиск источников, формирование библиотеки и коллекций, происходил обмен конкретными сведениями, давались отзывы на книги.

Познавательная ценность писем Н.П. Лихачева возрастает благодаря яркой, неординарной личности автора — замечательного эрудита, тонкого исследователя, выдающегося ученого и коллекционера с мировым именем. Он никогда не стеснялся высказываться откровенно, честно, не скрывал эмоций, часто был прямолинеен, подробно описывал свои жизненные трудности, делился планами и итогами исследований, щедро консультировал.

Эпистолярное наследие ученого давно привлекает внимание исследователей. Публикация его писем началась в конце 1980-х гг., и к настоящему времени их воспроизведено свыше 70: академиком С.Б. Веселовскому 1916 г. [9, с. 286] и С.А. Соболевскому 1918–1926 гг. [10, с. 186–192], членам-корреспондентам Академии наук СССР В.Н. Бенешевичу 1932–1936 гг. [11, с. 105, 112–113] и А.В. Орешникову 1917–1922 гг. [12], члену-корреспонденту Санкт-Петербургской академии наук В.И. Срезневскому 1917 и 1934 гг. [10, с. 185–186, 193], историкам С.И. Порфирьеву 1921 г.

¹ Небольшой фонд Н.П. Лихачева находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) [6]. Он состоит исключительно из писем, которые на самом деле адресованы историку искусства и библиографу Н.П. Собко (1851–1906); его также звали Николаем Петровичем, из-за чего произошла ошибка при их атрибуции и описании [7].

[13] и графу С.Д. Шереметеву 1897–1900 гг. [14; 15, с. 22–23, 36, 40], нумизмату С.И. Чижевскому 1913–1916 гг. [16, с. 490], библиографу В.И. Саитову 1917 г. [17, с. 116] и др.

Также публиковались письма, адресованные самому Н.П. Лихачеву: от академика С.Ф. Платонова 1923–1924 гг. [18, с. 246–247], библиографа Д.В. Ульянинского 1909–1914 гг. [19, с. 87–89], члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук Е.Ф. Шмурло 1904–1910 гг. и бельгийского историка У. Берлиера 1907 г. [20, с. 148–154]. Эпистолярные источники послужили основой для изучения отношений Н.П. Лихачева с Л.М. Савеловым [21] и известным коллекционером икон И.С. Остроуховым [22], широко использовались и обильно цитировались в работах о нем, чаще всего — переписка с женой Наталией Геннадьевной, профессором Санкт-Петербургского университета, филологом и археологом И.В. Помяловским, зарубежными и отечественными коллекционерами [1; 2].

Тем не менее работа по введению в научный оборот и изучению эпистолярных текстов далеко не завершена. В отделе рукописей РГБ сохранилось 105 писем (из них 5 — «открытых», 5 — на отрезных купонах) и 4 телеграммы Н.П. Лихачева за 1885–1927 годы. Они были отправлены 15 адресатам: академику Дмитрию Николаевичу Анучину [23], историку литературы и педагогу Якову Лазаревичу Барскову [24], членам-корреспондентам Санкт-Петербургской академии наук Сергею Алексеевичу Белокурову [25] и Нилу Александровичу Попову [26], востоковеду и нумизмату Владимиру Константиновичу Трутовскому [27], чиновни-

ку Московского архива Министерства юстиции Александру Ивановичу Юшкову [28], священнику-старообрядцу, дьякону Ивану Васильевичу Власову [29] и его сыну Петру [30], государственному, партийному и общественному деятелю Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу [31] и, конечно же, издателям, антикварам-букинистам, библиографам и библиофилам Богдану Степановичу Боднарскому [32], Льву Эдуардовичу Бухгейму [33], Николаю Николаевичу Орлову [34]², Михаилу Яковлевичу Параделову [36], братьям Павлу и Льву Петровичам Шибановым [37–39].

В фонде самого Н.П. Лихачева имеются письма только от семи из перечисленных корреспондентов: С.А. Белокурова (письмо от 11 мая 1911 г.) [40], Б.С. Боднарского (письмо от 11 февраля 1923 г.) [41], П.И. Власова (письма от 28 февраля и 7 мая 1912 г.) [42], Н.Н. Орлова (письма от 4 октября 1922 и 28 октября 1923 г.) [43], В.К. Трутовского (три письма 1912–1916 гг.) [44], П.П. Шибанова (письма от 5 ноября 1911 и 25 января 1923 г.) [45], А.И. Юшкова (письмо от 14 октября 1914 г.) [46, л. 1–4]; черновой вариант текста см.: [47].

Хронологически эпистолярные источники из отдела рукописей РГБ распределены неравномерно: 94 из них относятся к периоду до октября 1917 г. и всего 15 — к советскому времени.

Три письма опубликованы: В.Д. Бонч-Бруевичу (октябрь 1920 г.) [48], А.И. Юшкову (12 января 1899 г.) (воспроизводилось трижды: [49,

² Сохранилось также досье, составленное Н.Н. Орловым на Н.П. Лихачева, где находится машинописная копия автобиографии ученого, написанная в 1919 г. [35].

с. 381–382; 50, с. 300–301; 51, с. 433–434]) и П.П. Шибанову от 27 апреля 1927 г. [52, с. 180–181].

Кроме того, в отделе рукописей РГБ хранятся три письма, адресованных Н.П. Лихачеву: от И.В. Власова [53, л. 1], П.П. Шибанова [54, л. 1–1 об., черновой вариант] и уже упомянутый текст А.И. Юшкова [47, л. 1–2].

Жизнь Н.П. Лихачев в эпистолярном отражении

Эпистолярные материалы из отдела рукописей РГБ репрезентативно отразили основные события жизни ученого и направления его многогранной деятельности.

Уже после выхода первой своей монографии о разрядных дьяках XVI в. [55] Н.П. Лихачев приобрел широкую известность в исторической науке. Это фундаментальное исследование привлекло внимание ученых и вызвало бурную полемику в печати. Однако исключительное значение этой книги для развития медиевистики, пожалуй, современниками осознавалось не вполне. На непонимание и несправедливую критику ученый жаловался в письме от 9 февраля 1889 г. управляющему Московским архивом Министерства юстиции Н.А. Попову: «В Казани я встретил пристрастное отношение и к себе, и к своему труду. Достаточно сказать, что Д.А. Корсаков уверяет, что у меня в исследовании нет ни одного общего вывода³» [26, л. 1].

Видимо, именно рецензия профессора Казанского университета Д.А. Корсакова [56], специалиста, кстати, по истории XVIII в., задела ученого больше всего, хотя отзывы на

монографию появилось более десятка и написаны они были такими известными историками, как Н.П. Загошкин, А.И. Маркевич, П.Н. Милюков. Полемика с Д.А. Корсаковым не ограничилась упоминаниями в письмах, а приобрела публичный характер. Н.П. Лихачев опубликовал обширный ответ «суровому критику», в котором убедительно опроверг все замечания [57].

Несмотря на неоднозначную реакцию, монография была представлена в качестве магистерской диссертации, и ее защита 5 февраля 1889 г. стала заметным событием в научной жизни России. Однако самого ученого диспут разочаровал. Впечатлениями он почти сразу же, через четыре дня, поделился в упомянутом письме Н.А. Попову: «Диспут мой был очень удачен, но, к сожалению, я должен был убедиться, что ни один из оппонентов не понял ни назначения, ни смысла моей книги. Ни одно из возражений не касалось основных тезисов второй и третьей главы моей книги, в которых и заключается весь результат моих исследований» [26, л. 1 об. – 2].

После защиты молодой магистр стремился продолжать научную работу, предполагал посвятить несколько лет изучению истории служилого сословия и московских приказов, но жизненные обстоятельства сложились так, что планы эти «должны уйти в область химер» [26, л. 1–1 об.]. После диспута Н.П. Лихачев оказался в затруднительной финансовой ситуации и вынужден был заняться преподавательской деятельностью, которая его совершенно не прельщала: «Магистерская степень привязывает меня к приват-доцентуре в Казани, где мне, по

³ Подчеркнуто автором.

*Рис. 1. А.И. Юшков в группе сослуживцев (сидит крайний справа).
Конец XIX — начало XX в. ОРГ РГБ. Ф. 351. К. 12. Д. 1. Л. 2 об. Публикуется впервые*

всей вероятности, и придется открыть курс лекций с будущей осени. Будь у меня несколько тысяч годового дохода, я, пожалуй, не искал бы степеней и работал над теми вопросами, к уяснению которых стремится душа моя. Но увы! Результатом трех лет работы на свой счет и издания огромной книги является долг в две с половиною тысячи рублей. Я связан и беспомощен. Меня поддерживает одна надежда, что, несмотря ни на что, я перебыю еще год или в Москве, или в Петербурге» [26, л. 1 об.].

Отзвуком дебатов о монографии про разрядных дьяков стало письмо А.И. Юшкову (рис. 1) от 12 января 1899 года. В начале текста Н.П. Лихачев сетовал на то, как непросто складывались первые годы его ученой ка-

рьеры: «За все время моих научных занятий, ревностных и бескорыстных (мне не зачтена служба с 1884 по 1894 г., я не имею ни чинов, ни орденов), за все мои труды я, можно сказать, не слыхал ни от кого ласкового слова, везде и всегда меня ожидали нападки, козни и желание подставить ножку. Только одно учреждение было для меня как бы родной семьей. Это Поповский архив⁴ на Девичьем поле. Приходил я туда с радостью, там отдыхал от неприятностей, сылавшихся на мою голову. И вот отсюда сначала обругал меня Оглоблин [58] и обругал зря — показал только, что он мало

⁴ Московский архив Министерства юстиции назван по фамилии управляющего Н.А. Попова.

знаком с источниками помимо своих столбцов. Мне недосуг было выражать, да и статья прошла незамеченной, я пока оставил нападки без опровержения» [28, л. 1–1 об.]. Упомянутая статья Н.Н. Оглоблина представляла собой запоздалый отклик на монографию о разрядных дьяках.

Непосредственным же поводом для письма послужила подготовленная А.И. Юшковым публикация актов 1257–1613 гг., приложенных к поколенным росписям, которые подавали в Палату родословных дел представители служилых родов после отмены местничества в 1682 г. [59]. В предисловии к ней критиковалось одно из изданий Н.П. Лихачева, где воспроизводилось пять наиболее ценных текстов из того же комплекса источников [60]. По мнению А.И. Юшкова, напечатаны они были «с такими ошибками, пропусками и искажениями, что пользоваться ими невозможно» [60, с. X].

Публикация актов, а вместе с ней и отрицательный отзыв о работе Н.П. Лихачева получили широкую известность. Научное реноме ученого как археографа могло пострадать, потому он счел необходимым объясниться. «Появляется Ваша книга — ее начинают здесь всюду таскать и показывать, где надлежит, чтобы подорвать мою ученую репутацию, в одной рецензии прямо с Ваших слов указывалось на неприглядность моих археографических трудов. <...> Дело не в поправках, а в тоне и в общих выводах, которые обязательно требовали ответа. Его, наконец, ждали и в Археографической комиссии, где я теперь нахожусь. Я написал мою заметку, бегло просмотрев лишь старейшие акты,

кой-что пропустил и оставил для себя. Мне необходимо было печатать как можно скорее. Что касается до моего тона, то он вовсе не менторский, я не допускаю общих фраз и вездестою на почве фактов», — оправдывался Н.П. Лихачев [28, л. 1 об. — 2]. Кроме того, он выступил с отрицательной рецензией в печати [61], жестко раскритиковав книгу Юшкова за разделение росписей и приложенных к ним документов, публикацию сомнительных с точки зрения подлинности текстов, неправильные датировки и т. д. К тому времени А.И. Юшков отошел от научной деятельности, и полемика продолжения не получила.

В письмах И.В. и П.И. Власовым [29; 30] отразилась непростая и несчастливая история публикации Н.П. Лихачевым Рогожского летописца, составленного в середине XV века. Ученый обнаружил его в архиве старообрядческого Рогожского кладбища, и в августе 1902 г., отправляясь в Москву, сообщал И.В. Власову, что хотел бы «без всякой шумихи и официальности» [29, л. 7] сверить текст с другим источником, разумеется, с разрешения «попечителей». Обещал выполнить работу за пять дней, признаваясь: «В рукописи, может быть, не окажется ни одной строки неизвестной, но во всяком случае она меня крайне интересует» [29, л. 7]. Предвидя трудность с указанием места нахождения летописца, он предложил при публикации использовать формулу «в одном старообрядческом собрании» («или как угодно иначе»).

Позже Н.П. Лихачев просил о посылке рукописи в виде исключения в Петербург [28, л. 10], а 4 января 1910 г. уведомил о том, что будет пе-

чатать «Рогожскую летопись» через Археографическую комиссию в качестве первой половины XV тома «Полного собрания русских летописей», отметив: «К сожалению, не могу спешить, хвораю и много работы по другой службе» [28, л. 11]. Этот летописец напечатали в 1913—1914 гг., но «выпущен в свет» он не был, так как сначала предполагалось завершить работу над Тверской летописью, предназначенной для того же тома. Об этой коллизии Н.П. Лихачев сообщил в феврале 1916 г. сыну И.В. Власова — Петру [30, л. 2]. Однако с типографского набора сняли оттиски. Их роздали некоторым историкам и иногда называют первым изданием источника. Официально Рогожский летописец появился только в 1922 г. [62; 63] и был преподнесен ученому на праздновании его 60-летнего юбилея.

С 1902 по 1914 г. Н.П. Лихачев занимал должность помощника директора Императорской публичной библиотеки. С ней связано письмо А.И. Юшкова, обратившегося к ученому «по старой памяти» в октябре 1914 года. Забыв старые обиды, он просил «пристроить» письма обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева за 1893—1907 гг. к управляющему Московской синодальной типографией С.Д. Войту. В этот раз А.И. Юшков надеялся, что Н.П. Лихачев выяснит, согласится ли приобрести их Императорская публичная библиотека или какое-либо частное лицо, «интересующееся письмами знаменитых русских людей» [47, л. 2]. По всей видимости, он рассчитывал, что на предложение отзовется сам ученый, известный, как и К.П. Победоносцев, консервативными политическими взглядами.

В эпистолярных источниках, прежде всего в письмах И.В. Власову, отразились занятия Н.П. Лихачева историей русской иконописи. С адресатом ученого связывало многолетнее и плодотворное сотрудничество. «Искренне преданный Вам и доселе под впечатлением [от] показанных Вами икон и книг», — так закончил историк одно из писем к нему [27, л. 7 об.].

Приоритетной проблемой в диалоге с И.В. Власовым стало добывание изображений икон. Многие из них были недоступны для изучения, так как использовались при богослужениях, а живопись скрывали оклады, поэтому Н.П. Лихачев использовал любую возможность для того, чтобы снять копии, если образа попадали на реставрацию. О такой услуге он прямо просил в одном из писем:

«Умоляю Вас, нельзя ли воспользоваться моментом реставрации икон и получить с некоторых из них хорошие и большие фотографии на ортохроматических пластинках», одновременно перечисляя конкретные, наиболее ценные для него памятники: Воскресение, «врезочки» Спаса Мокрая брада «и — особенно — Спаситель, помещенный у царских врат». В первую очередь внимание привлекали те иконы, которые еще не «промыывались»; расходы по копированию историк брал на себя, также предлагал приобрести негативы [29, л. 1–1 об.]. Изображения удалось добыть, и в ноябре 1909 г. Н.П. Лихачев благодарил И.В. Власова за «чудные снимки с превосходных св[ятых] икон!», заметив: «Как я мечтал о двух из них для помещения в мой альбом!» [64]. «Эти первоклассные памятники украсили бы мое издание» [29, л. 9].

В январе 1910 г., получив фотографии с образов святого Николая, Богоматери, обладанию которой «от души позавидовал», и какой-то «Строгановской иконы», названной «превосходной», он не скрывал восторга: «Восхищаюсь и красотой икон, и мастерством снимков» [29, л. 11].

В письмах качество снимков активно обсуждалось. Еще в первые годы сотрудничества со старообрядцами, в сентябре 1898 г., Н.П. Лихачев рекомендовал привлечь к фиксации икон на Рогожском кладбище монаха Антония, возглавлявшего фотографическое заведение в Троице-Сергиевой лавре и снимавшего Успенский собор Московского Кремля. «Работы его превосходны», — восклицал ученый, отметив, что возьмет тот за работу дешевле, а сделает лучше, если, конечно, получит разрешение от церковного начальства [29, л. 6].

Кроме фотографий, Н.П. Лихачев хотел иметь с икон копии, причем подчеркивал необходимость точного воспроизведения изображений — «черта в черту, точка в точку» [29, л. 2]. Однажды возникли трудности с большим — 11,5 вершков (примерно 50 см) — образом Сергия Радонежского, где святитель изображен в полный рост. Ученый желал получить копию в натуральную величину настолько, насколько поместится на доске, например, до колен. «Уменьшить фигуру уже значит изменить рисунок, поэтому я непременно желаю, чтобы лик святого на моей иконе был точь-в-точь как по величине, так и по всему прочему подобен лику подлинной св[ятой] иконе», — подчеркивалось в письме [29, л. 2].

Знакомство с И.В. Власовым Н.П. Лихачев стремился использо-

вать для пополнения собственного собрания икон. В феврале 1896 г., узнав о смерти П.А. Баркова, интересовался, не распродается ли его коллекция [29, л. 5].

Признанный знаток иконописи, И.В. Власов охотно консультировал ученого по поводу конкретных памятников. В 1894 г. Н.П. Лихачев приобрел список с иконы Николая Мирликийского, обретенной, по преданию, на реке Великой, притоке Вятки («письму лет 300, а то и более»), примечательную редким перстосложением. «Я такого нигде и никогда не видал», — заметил Н.П. Лихачев, спрашивая о том, «что это за явление и где находится образ св[ятого] Николая Мирликийского, именуемого Великорецким, и что это за перстосложение?» [29, л. 3 об.]. Получив исчерпывающие ответы, заинтересовался историей образа св. Николая Великорецкого в целом, нашел о нем упоминания в летописи и сделал вывод о том, что должно быть много икон святого «первых московских писем». Свой образ историк оценивал как «очень интересный», но хотел выменять на памятник лучшей работы, поскольку ему достался «целый, но совсем простой» [29, л. 4]. Это письмо интересно тем, что демонстрирует один из исследовательских методов Н.П. Лихачева — комплексное использование памятников, вещественных и письменных. В таком контексте иконы привлекали не только как произведения искусства, но и как эпиграфический источник, о чем неоднократно упоминалось в письмах [29, л. 3, 5 об., 11].

Самостоятельной темой в переписке стала икона с изображением св. митрополита Филиппа (Колычева), на-

ходившаяся у некоего отца Исаакия и показанная историку И.В. Власовым. Сначала ученый хотел выменять образ, одновременно сформулировав требования к приобретаемым произведениям древней живописи: «Только для меня важно было бы раньше знать — насколько цельна эта икона и не очень зачинена ли? Для меня важнее иконы немного попорченные, но направленные» [29, л. 2 об. — 3]. Но потом от идеи отказался, так как в качестве компенсации запросили образ слишком ценный. Не устроила и назначенная цена в 200 рублей, вместо предполагаемых 75–90, в крайнем случае 100.

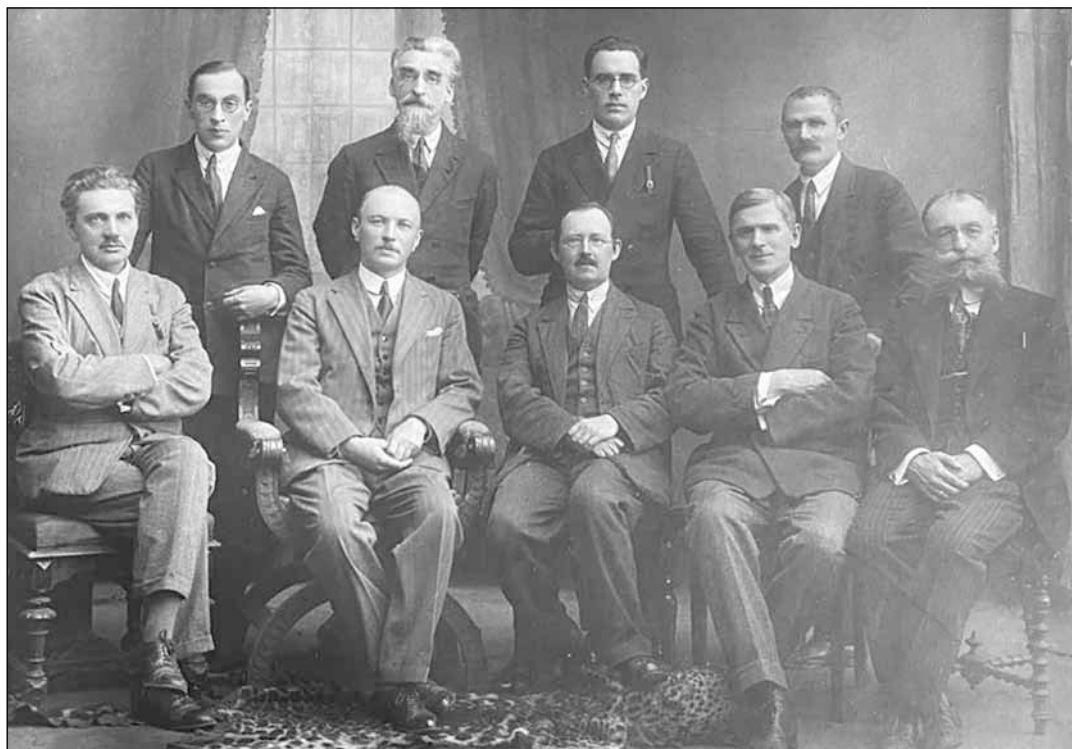
В письме от 17 января 1895 г. ученый прямо заявлял, что в отличие от родственников своей жены (миллионеров Морозовых) большими капиталами не обладает и запрошенную сумму потратить не может. Однако азарт коллекционера не оставлял Н.П. Лихачева. Он даже попытался манипулировать владельцем, угрожая тем, что доску с аналогичным сюжетом выменяет у другого, поскольку там «образ старый, целый и который мне очень нравится» [29, л. 4 об.]. Желание завладеть памятником, однако, не давало покоя. Спустя год — в письме от 10 февраля 1896 г. — историк вернулся к своему предложению, повысив цену до 100–125 рублей и честно признавшись: «Очень хотелось бы выменять». Интерес Н.П. Лихачева объяснялся наличием надписи, благодаря которой памятник становился особенно ценным для науки [29, л. 5–5 об.].

Со временем ученый отошел от изучения иконописи и занялся другими темами. В письме от 5 ноября 1909 г. он сообщил И.В. Власову о том, что

потерял надежду на продолжение своих трудов по древнерусской живописи [29, л. 9].

Представление о Н.П. Лихачеве как исследователе книжной культуры и палеографии дополняют письма А.А. Барышникова искусствоведа и литературоведа А.А. Шемшурина (1872–1939). В октябре 1918 г. А.А. Барышников занимался в Публичной библиотеке поиском инициалов в европейских рукописях, и сотрудники порекомендовали обратиться за помощью к Н.П. Лихачеву, «у которого богатое собрание книг и который, по мнению библиотекарей, знает область инициалов» [65, л. 99]. Впечатления от продолжительного разговора по телефону обстоятельно описаны Барышниковым в письме от 12 ноября 1915 г.: «Лихачев оказался большим ученым и сообщил мне целый ряд интересных данных. Прежде всего он говорит, что печатные азбуки, могущие иметь связь с русскими азбуками, надо искать в голландских и немецких источниках. У самого Лихачева ничего по этой части не оказалось, почему я лично его не посещал», одновременно ученый подчеркнул, что в библиотеках азбуки очень редки, поскольку изъяты из них «вследствие того, что на них не обращали никакого внимания» [65, л. 103 об. — 104].

Молодой исследователь не хотел говорить Н.П. Лихачеву об интересе А.А. Шемшурина к букварю Кариона Истомина, но скрыть ничего не удалось, так как «Лихачев такой знаток этой части, что он тотчас же заставил меня признаться, что дело идет именно о нем» [65, л. 104]. Историк сообщил, что букварь Истомина считается оригинальным памятником (если бы

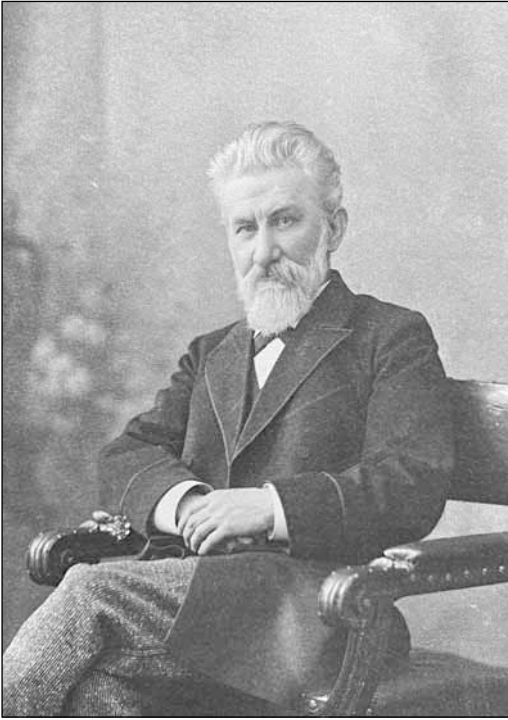

*Рис. 2. Члены Русского библиографического общества. 1920-е гг.
ОР РГБ. Ф. 382. К. 26. Д. 51. Л. 1*

удалось выяснить его источники, то это стало бы «величайшим открытием») и просил передать А.А. Шемшурину поздравления с выбором такой серьезной научной задачи, заметив, что вопрос об азбуках является сейчас самым «злободневным», хотя и в отечественной, и в европейской историографии «это еще совершенно не початая область» [65, л. 104 об.]. Извиняясь за раскрытие темы А.А. Шемшурина, А.А. Барышников оправдывался так: «Это было вынужденное признание. Солгать Лихачеву я не мог, он слишком сердечно и приветливо отнесся к вопросам, которые я ему задал, и предоставил себя в полное распоряжение по части справок и материалов» [65, л. 104 об.].

Ученый активно участвовал в общественной жизни России, состоял во многих научных организациях. Два письма отразили его сотрудничество с Русским библиографическим обществом (РБО). С радостью воспринял Н.П. Лихачев избрание его почетным членом РБО (рис. 2). «Такое отличие доставило мне большое удовольствие», — писал он 24 ноября 1922 г. Н.Н. Орлову [34, л. 2], которому, как считал, этим избранием был обязан. 27 февраля / 12 марта 1923 г. Н.П. Лихачев признавался Б.С. Боднарскому: «Очень хотел бы вновь принять участие в жизни Русского библиографического общества, но увыл!» [32, л. 1—1 об.].

В 1922 г. научная общественность торжественно отмечала 60-летие

*Рис. 3. Дмитрий Николаевич Анучин.
1898 г. ОР РГБ. Ф. 10. К. 48. Д. 1. Л. 18 об.*

*Рис. 4. Николай Николаевич Орлов.
16 июня 1932 г. Москва.
ОР РГБ. Ф. 382. К. 26. Д. 52. Л. 15*

Н.П. Лихачева. На заседании, устроенном Историческим музеем и некоторыми другими московскими научными учреждениями, председательствовал известный географ и антрополог Д.Н. Анучин (рис. 3). В письме от 12 июля 1922 г. ученый благодарил его за участие и рассказывал о своих эмоциях: «Грандиозное, поистине юбилейное заседание произвело на меня неизгладимое впечатление. Лестная оценка моей деятельности взвинтила мои нервы, и я не чувствовал усталости и только потом, спустя несколько часов, понял, насколько утомительна должна была быть для Вас продолжительность моего великого праздника» [23, л. 1]. В трудных условиях жизни первых постреволюционных лет такое

признание и поддержка от научного сообщества стали для ученого особенно важны.

Н.П. Лихачев — библиофил

Н.П. Лихачев известен не только как страстный коллекционер, но и как ревностный библиофил. В автобиографии он признавался: «Необыкновенно сильная, охватывающая, все затмевающая любовь к книгам началась с восьмилетнего возраста (тринадцати лет пробовал уже составлять каталоги)...» [35, л. 8].

Пополнение личной библиотеки было одним из основных и неизменных сюжетов в эпистолярном общении ученого. Письма наполнены упоминаниями о полученных в дар книгах.

*Рис. 5. Яков Лазаревич Барсков с учениками Пятой московской гимназии. 1910-е гг.
ОР РГБ. Ф. 16. К. 24. Д. 1. Л. 1 об.*

Л.Э. Бухгейму, например, выражалась «сердечная благодарность» за «особый экземпляр» первого тома сочинений историка литературы и библиографа М.Н. Лонгинова [66] и список трудов С.А. Венгерова [67; 33, л. 5].

Интенсивный обмен происходил с Н.Н. Орловым (рис. 4). Почти во всех письмах к нему сообщалось либо о полученных, либо об отправленных изданиях. Судя по эпистолярным источникам, московский коллега прислал Н.П. Лихачеву один из трудов Е.Е. Голубинского, какую-то неназванную «хорошенькую и изящную книжку», оттиск о тридцатипятилетней деятельности РБО [68], брошюру «Памяти Д.В. Ульянинского» [69], «Библиографические известия». Два последних издания очень пришлись по душе.

Он писал 25 марта 1925 г.: «С особым удовольствием просмотрел книжки — ученое печатание теперь так редко! Да и из этого малого почти ничего не попадает в руки по экономическим причинам. Очень было приятно, что и Лисовский, и Ульянинский не забыты» [34, л. 17].

Формированием своего собрания Н.П. Лихачев занимался целенаправленно и внимательно, присылать книги просил постоянно: у М.Я. Параделова в июне 1902 г. заказал 11 томов [36, л. 1], у Я.Л. Барскова (рис. 5) в 1908 г. спрашивал о недостающих частях из собрания сочинений Екатерины II [70], причем из комплекта на веленовой бумаге у него не хватало только шестой, которая еще не вышла, а на простой — сразу трех: II, VI и XII

[24, л. 1], у Л.П. Шибанова (рис. 6) интересовался просто: «Нет ли чего из листов и мелочей?» [39, л. 1].

Радостно приветствовал Н.П. Лихачев появление новых книг. В 1915 г. отметил выход в свет сочинений М.Н. Лонгинова [66] длинной телеграммой издавшему их Л.Э. Бухгейму, указав на прекрасную редакторскую работу и заявив о желании иметь следующий том [33, л. 1]. В 1916 г. писал ему же: «С нетерпением жду, когда Вы облагодетельствуете русских любителей книг переизданием Ло[н]гиновского труда о Новикове [71] с примечаниями такого солидного книговеда, как П.К. Симони» [33, л. 2].

В эпистолярных источниках содержится много упоминаний о том, как Н.П. Лихачев щедро дарил издания своих научных трудов, заботясь об их распространении.

Из письма Н.А. Попову следует, что в июле 1890 г. молодой тогда ученый послал ему несколько экземпляров собственных трудов для библиотеки Московского архива Министерства юстиции, а для личного собрания — свою первую публикацию — заметку о профессоре Казанского университета Г.Н. Городчанинове [72]. Письмо позволяет уточнить судьбу этого издания. Н.П. Лихачев сообщал адресату, что дарит ему один из 34 экземпляров, напечатанных для раздачи в день серебряной свадьбы родителей [26, л. 3]. Из других источников известно, что тираж брошюры составлял 585 экземпляров, однако Д.В. Ульянинский отметил, что она имелась и в другом формате — в 4⁰, отпечатанном «самым незначительным числом» (правда, так и не назвав его) [73, с. 165]. Таким образом, логично предположить, что

Рис. 6. Лев Петрович Шибанов. 1880-е гг.
ОР РГБ. Ф. 342. К. 59. Д. 47. Л. 1

«высокоцитимому Н.А. Попову» автор подарил именно редкую версию своей работы.

В письме от 13 сентября 1894 г. Н.П. Лихачева благодарил за книги и брошюры И.В. Власов [53, л. 1], получивший в январе 1895 г. сборник духовных, сговорных и правых грамот, где, по словам Н.П. Лихачева, мог найти «ряд указаний на ценные иконы» [29, л. 4 об.; 60]. Его сыну Петру в феврале 1916 г. ученый подарил отпечаток своей статьи о борьбе двух живших в XIV в. московских митрополитов — Романа и Алексея [30, л. 2; 74]. В 1922–1927 гг. трудами Н.П. Лихачева регулярно пополнялась библиотека Н.Н. Орлова, среди таких поступлений — брошюра о редкой «Истории Казани», сочиненной профессором К.Ф. Фуксом [75],

Рис. 7. Богдан Степанович Боднарский. Начало XX в. На обороте — дарственная надпись: «Дорогому другу Николаю Николаевич Орлову от Б. Боднарского. Москва. 1958. 11.03». ОР РГБ. Ф. 382. К. 26. Д. 16. Л. 1

третий выпуск «Библиографической летописи» [76], оттиски работ о Корнелии Тромонине [77] и академическом «призывательном письме» 1730 г. [78], два предисловия к какому-то неназванному труду и др. [34, л. 5, 7, 10, 12, 14, 15, 17, 20, 22]. Долго искал библиофил для него свои брошюры о Г.Н. Городчанинове [72] и об издании «Liste des pièces imprimées...» [79] [34, л. 7, 14].

После 1917 г., учитывая хаос первых постреволюционных лет, Н.П. Лихачев беспокоился о целостности посылаемых изданий, поэтому просил передавать их с оказией, а не отправлять по почте [34, л. 5].

Как истинный библиофил, он внимательно оценивал оформление и полиграфическое исполнение книг. Н.Н. Орлову, например, писал, что присланные им издания, «как всегда, замечательно хорошо отпечатаны» [34, л. 22]. Особенно неравнодушен был к бумаге, изучению которой посвятил докторскую диссертацию. Поблагодарив С.А. Белокурова за книжные новинки, не преминул отметить: «Восхищаюсь бумагой, вводимой Вами в обращение по английскому образцу. Чрезвычайно изящно, но достаточно ли она гибка — не будет ли ломаться?» [25, л. 1]. Как и Д.В. Ульянинский, Н.П. Лихачев увлекался экземплярами на веленовой бумаге. Именно на ней просил П.П. Шибанова доставить «Библиографические записки» за 1892 г. [37, л. 7], а первый том «Учреждения Воспитательного дома» [80] хотел иметь в двух вариантах — на простой бумаге и на веленовой [38, л. 4]. В аналогичном двойном комплекте имелись у него и сочинения Екатерины II [24, л. 1; 68].

Постоянно занимаясь анализом иконографических источников (икон, печатей), Н.П. Лихачев придирчиво относился к визуальному ряду в собственных трудах. При подготовке к публикации одной из работ делился с В.К. Трутовским размышлениями о том, следует ли сопроводить текст иллюстрациями: «Хотел делать клише — задумываюсь — надо ли. Снимки нужны для наглядности, а нужны ли наглядность для читателей ученого сборника? Новых же памятников у меня в руках нет» [27, л. 1].

В эпистолярных источниках упоминалось и о первых попытках систематизировать научные труды Н.П. Лиха-

Рис. 8. Павел Петрович Шибанов. 1881 г.
ОР РГБ. Ф. 342. К. 59. Д. 41. Л. 1 об.

Рис. 9. Павел Петрович Шибанов. 1895 г.
ОР РГБ. Ф. 573. К. 72. Д. 1. № 129

чева. В декабре 1923 г. ученый обещал привезти в Москву для Н.Н. Орлова список своих работ, упомянув при этом, что самая полная его библиография находится в библиотеке Исторического музея [34, л. 12].

Книга была для Н.П. Лихачева не только объектом коллекционерской страсти, но и искренним увлечением, неотъемлемой частью жизни, а приобретение новинок или раритетов — поводом для гаммы чувств, волнений, обращения к прошедшему. В декабре 1916 г. он выражал Л.Э. Бухгейму «сердечную признательность за интересную книгу, заставившую меня пережить первые годы моего знакомства с Москвой и ее собирателями» [33, л. 2], а в письме Н.Н. Орлову с удовольствием вспоминал сотруд-

ничество с журналом «Книговедение» в 1894—1895 гг. [34, л. 20]. В письме же Б.С. Боднарскому (рис. 7), отправленном в тяжелые послереволюционные годы, назван «исключительным» 1893 год, когда после защиты докторской диссертации «имел возможность посвятить некоторое время излюбленным занятиям по библиофильству и генеалогии» [32, л. 1 об.].

Н.П. Лихачев и П.П. Шибанов

Подавляющее большинство писем Н.П. Лихачева, хранящихся в отделе рукописей РГБ, адресованы П.П. Шибанову (рис. 8, 9 и 10), с которым установились прочные деловые связи. Об отношении библиофила к своему постоянному букинисту свидетельствует любопытная характеристика (от 24 ян-

Нумов О.Н. Эпистолярное наследие историка, библиографа и библиофила Н.П. Лихачева в отделе рукописей...

*Рис. 10. Павел Петрович Шибанов.
1910-е гг. ОР РГБ.
Ф. 342. К. 59. Д. 41. Л. 4. об.*

варя 1923 г.): показательный документ первых лет новой власти со свойственными для того времени идеологическими акцентами на происхождении из низших социальных слоев и заслугах перед наукой. Вот его полный текст:

«Павел Петрович Шибанов происходит из народа, он внук крестьянина-старообрядца. Отец — Петр Васильевич — выдвинулся своими познаниями и прославился как знаменитый старообрядческий начетчик. Открытая им на Старой площади в Москве книжная торговля исключительно древними рукописями и старопечатными книгами стала центром обмена религиозной мысли, а в частности и ученой мысли вообще, не только для старообрядцев, но и для тогдашних ученых, интересовавшихся древней русской литературой.

С раннего детства окруженный этими старокнижными влияниями Павел Петрович Шибанов еще в молодых годах сделался специалистом по старым рукописям и книгам церковной печати.

Постепенно расширяя свой умственный кругозор, Павел Петрович выработался в первоклассного знатока книг, рукописей и автографов, русских и иностранных. Неоднократно ездил за границу и в 1892 г. издавал и редактировал библиографический журнал, пользующийся заслуженным вниманием ученого мира.

Познания П.П. Шибанова делают из него выдающегося специалиста по истории книгопечатания и книги вообще в самых разнообразных отношениях с точки зрения и библиографии, и библиофилии, и истории литературы» [81, л. 1, 2].

Будущий академик познакомился с П.П. Шибановым в 1884 г., когда впервые приехал в Москву (переписка между ними сохранилась с сентября 1885 г. по апрель 1927 г.⁵). Почти все тексты посвящены покупке книг и соответствующим денежным расчетам, в них репрезентативно отразились разнообразные библиофильские увлечения ученого. Прежде всего его интересовали книги XVIII и первой четверти XIX в., а также «казанские издания», пристальным изучением которых он занимался, видимо, потому, что родился в Казанской губернии.

Уже осенью 1885 г. Н.П. Лихачев отправил букинисту обширный список книг, которые хотел приобрести,

⁵ О письмах Н.П. Лихачева П.П. Шибанову упоминал Л.Г. Климанов, но архивные шифры их хранения по неизвестной нам причине приводил неполно или ошибочно [1, с. 38, 589].

среди них — «Каталог писателей» Адама Селлия [82], 17-й том из второго издания «Древней российской вивлиофики» [83] и 13-й том из второго издания «Деяний Петра Великого» [84], записки И.А. Желябужского [85] и В.А. Нащокина [86], журнал П.И. Рычкова [87] и др. [37, л. 1–2]. Также в одном из ранних писем он извещал П.П. Шибанова о желании купить оттиски из «Казанских известий» и «Казанского вестника»⁶ (но только по «не очень высокой цене») и прислал список необходимых выпусков «Ученых трудов Казанского университета» (62 вып., с 1834 по 1864 г.).

Эпистолярные источники сохранили многочисленные сведения об изданиях XVIII — начала XIX в., приобретенных Н.П. Лихачевым. К сожалению, не всегда они названы точно, указаны только их номера по каталогам букинистического магазина П.П. Шибанова, иногда сопровождаемые первым словом из заголовка («собрание», «список») или фамилией автора. Тем не менее в письмах упоминалось о покупке за 5 рублей первой части редкого справочника М.Г. Спиридова «Сокращенное описание служб российских дворянства» [38, л. 42; 89]. Также библиофил интересовался справочником В.Н. Берха по боярам, окольниковым и думным людям [38, л. 46; 90], сочинением И.Ф. Яковкина «Летосчислительное изображение российской истории» 1798 г. [37, л. 1; 91] списком служащих «у статских дел» 1765 г. [38, л. 44; 92] и даже брошюрой начала XIX в. со снимком на таблице крюковых нот [38,

л. 44], а в сентябре 1907 г. за 22 рубля 50 копеек захотел купить «Историю» М.М. Щербатова [37, л. 24; 93].

Основным критерием при покупке был год издания. Просматривая предварительно предложенное букинистом, Н.П. Лихачев обещал: «Если XVIII век, то возьму» [38, л. 11]. Об изданиях того времени спрашивал регулярно: «Черкните, что могли бы предложить из XVIII ст[олетия]» [38, л. 20], особенно интересовался летучими изданиями, а также источниками XVI–XVII вв. [38, л. 33 об.]. Покупая брошюру Е.Ф. Холщевникова, беспокоился: «Действительно ли она XVIII столетия и где печатана?» [38, л. 3; 94], а обратив внимание в каталоге на месяцесловы того же периода, запросил у П.П. Шибанова пояснений — оттиски это или вырезки [38, л. 26]. В марте 1905 г. желал иметь список продающихся журналов XVIII в. — «целых и разбитых (с крайними ценами)», одновременно хотел узнать, какие части «Исторического описания российской коммерции» М.Д. Чулкова [95] имеются в наличии [37, л. 15].

Другим критерием для приобретения было состояние экземпляра. Еще в начале общения с П.П. Шибановым библиофил сформулировал требования к внешнему виду покупок: издания XIX в. — «в обложках (если таковые были), в переплете или без переплета — все равно», а относительно XVIII в. настаивал на уточнении: «современные у книг переплеты или новые» [37, л. 3 об.]. Тогда же, в 1880-х гг., он условился о льготе: «Я позволю себе для последующих разов выговорить одно условие — право возвращать Вам книги, на которых мы точно не сойдемся в цене или состоянии кото-

⁶ Н.П. Лихачев составил указатель содержания к этому изданию [88].

рых мне не понравится», соглашаясь, правда, принять пересылку на свой счет [38, л. 45]. Этой договоренностью он неоднократно пользовался. Например, прислал обратно букинисту «безобразно обрезанную» [38, л. 39] книгу И.П. Бларамберга о монетах Ольвиополя [96].

В апреле 1896 г. Н.П. Лихачев получил посылку с разрозненными и поврежденными экземплярами изданий XIX в., а также с уже имевшимися у него летучими изданиями. Он отправил П.П. Шибанову возмущенное письмо, где четко сформулировал свою позицию библиофила: «Я собираю книжки XVIII века и нередко, случалось, брал и вторые экземпляры, если за недорогую цену, чтобы не отсылать обратно или при покупке гуртом, но какой же смысл иметь для меня разбитый и дефектный хлам?» Далее предлагал, чтобы не обременяться хлопотами с возвращением, заплатить за все присланное 25 рублей, а впредь настаивал на отправке только целых экземпляров и с оценкой каждого [37, л. 9–9 об.].

Большие траты на формирование коллекций породили в историографии миф о богатстве Н.П. Лихачева [12, с. 155]. Он подкреплялся тем фактом, что теща историка происходила из рода купцов-миллионеров Морозовых (мы это уже упоминали выше). Подобные слухи убедительно опроверг Л.Г. Климанов, детально изучивший материальное состояние ученого и доказавший, что тот, напротив, всегда нуждался в средствах и имел значительные долги [1, с. 45–48]. В контексте финансовых трудностей становится понятным, почему в письмах П.П. Шибанову библиофил

предстает расчетливым, скуповатым и дотошно считающим деньги: мог, например, снизить цену на 25 копеек [38, л. 16] или вычесть из своего долга букинисту 30 копеек [37, л. 10].

Вынужденная прижимистость и неизменное стремление сократить траты появились уже в 1880-е гг., когда Н.П. Лихачеву исполнилось двадцать с небольшим лет. В первом же письме книготорговцу (от 6 сентября 1885 г.), перечислив семь изданий, цена на которые показалась ему «несколько высокой», для трех остальных будущий академик предложил собственные. И заметил, что «другие пожелания» оставляет «до последующей переписки, если столкнемся» [37, л. 1 об. — 2].

На завышенную стоимость книг он жаловался многократно и подчас даже грубовато [97, с. 197]. Так, 20 марта 1905 г. писал: «Я, к сожалению, не принадлежу к числу любителей-дровяников⁷ и не имею возможности платить безумные цены» [37, л. 14], а об одном издании отозвался следующим образом: «Это уже не цена, а разбой!» [38, л. 28]. Очевидно, цены, назначенные П.П. Шибановым, действительно бывали завышенными и не соответствовали реальному. За то же самое его критиковали и другие покупатели (например, И.М. Картавцов).

В начале знакомства библиофил выяснял цены предварительно. В 1885 г., например, таким образом он поступил

⁷ Дровяник — поленница, штабель дров, уложенный для их хранения; так называли Н.П. Лихачева в монастырях, где он скупал «дрова» (потемневшие старинные иконы, сложенные в подвалы). В данном случае ученый намекает на то, что не готов покупать старые, ненужные книги в переплетах из деревянных досок.

по отношению к двум первым частям «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» [38, л. 2 об.; 98]. Однако вскоре перестал стесняться и устанавливал собственные, по его мнению, справедливые расценки [37, л. 11, 14; 38, л. 9, 10, 26, 27, 31, 32, 34, 38 и др.]. Часто сразу посылал список со своими предложениями, причем настаивал на них и повторял неоднократно. Снижения бывали значительными: за месяцесловы XVIII в. предлагал в 2–3 раза меньше, чем установил П.П. Шибанов [37, л. 8], в 1905 г. за четыре книги соглашался дать 25 рублей, в то время как, судя по пометам на письме, продавец хотел 33 [37, л. 14], в 20 рублей оценивал «Летопись Нестерову» [99], «Эпистолу» Н.Е. Струйского (возможно, [100]) и эпитафическую книгу Е.Ф. Холщевникова [38, л. 40; 94]. В итоге последнюю из них сторговал за 17 рублей, твердо заявив: «Больше не дам» [38, л. 14].

К подобным манипуляциям Н.П. Лихачев прибегал неоднократно, о другом издании писал: «Только, если возможно, за 2 рубля, иначе не надо» [38, л. 33]. Стихотворения Бока [101] оценивал не более чем в 6 рублей, мотивируя их небольшим объемом — всего 4 страницы [38, л. 27, 29]. Свои цены он также считал завышенными, выговорив однажды букинисту: «Жду ответа и относительно моих многочисленных предложений, иногда даже излишне высоких» [37, л. 16 об.].

При назначении цен библиофил учитывал особенности и состояние экземпляров, поэтому мог согласиться с предложением П.П. Шибанова, даже не претендуя на скидку, если обнаруживалось издание идеальной сохранности. По такой причине за «хо-

роший экземпляр» Степенной книги [102] заплатил установленные 20 рублей [38, л. 2], а за брошюру «История Казани» К.Ф. Фукса [103] в аналогичном состоянии хотя цены не назначил, но сразу согласился дать 3–4 рубля [37, л. 4]. Спрашивая о наличии в магазине оперы князя А.М. Белосельского-Белозерского «Олинька» [104], предупреждал: «Если экземпляр хороший и полный — прошу мне прислать» [38, л. 21]. В другой раз предлагал заплатить за книгу 1 рубль 50 копеек, но если она с настоящим портретом, то соглашался с назначенными П.П. Шибановым 3 рублями [37, л. 1 об.].

За «Записки» В.А. Нащокина [86] Н.П. Лихачев назначил 1 рубль 50 копеек (в то время как П.П. Шибанов хотел 2 рубля), а в письме от 26 октября 1885 г. разгневался: «Еще за такой экземпляр, какой объявлен в каталоге, я бы, пожалуй, дал 2 р[убля], но присланный Вами экзempl[яр] не выдерживает критики: без обложки, сильно обрезан и с большими водяными пятнами». Кстати, ученый аргументировал свою позицию прецедентом, указав, что профессор Н.П. Загоскин купил подобный вместе с записками И.А. Желябужского [85] именно за 1 рубль 50 копеек [37, л. 2, 3–3 об.].

Это был не единственный упомянутый в эпистолярных источниках случай ссылки на сходные цены. За первые три тома «Актow исторических» [105] без переплета, в обложках, Н.П. Лихачев соглашался заплатить 7 рублей, потому что казанскому библиофилу А.Н. Островскому полные и неразрезанные шесть томов стоили 10 [37, л. 4 об.].

Даже если цена П.П. Шибанова казалась обоснованной, то библиофил

все равно требовал скидку, чаще всего — 10% [37, л. 11, 18, 24; 38, л. 1, 11, 16, 17, 22, 25, 27, 28, 32, 35, 38], но мог запросить 20, 40 и даже 50% [38, л. 2, 10, 28, 35]. Однажды сразу написал сверху листа: «10% уступки разумеются сами собою» [38, л. 18]. Помета «без уступки» встречается в письмах крайне редко [38, л. 33]. П.П. Шибанов, конечно, не был исключением, аналогичную скидку в 10% Н.П. Лихачев запрашивал и у других книготорговцев, в частности у М.Я. Параделова [36, л. 1].

Пожелание уступки и назначение собственных цен в письмах П.П. Шибанову могли сочетаться. Сначала перечислялись каталожные номера тех изданий, на которые заявлялась скидка, а затем — те, для которых назначались новые цены.

Н.П. Лихачев оспаривал даже стоимость пересылки. «Вы очень уж в свою пользу сосчитали почтовые расходы!» — жаловался он, предлагая альтернативный вариант расчета [38, л. 20].

Попытки снизить цены сопровождалась в письмах жалобами на финансовые трудности. В одном из недатированных текстов библиофил признавался, что из 146 рублей долга может заплатить только 110, а остальное — в апреле или мае, поясняя: «Очень заграница меня заела; шлю, шлю и все мало!» [38, л. 11]. В другой раз перед отъездом в Италию отмечал, что «дело остается, значит, до осени, а состояние моих финансов осенью — вопрос проблематический» [38, л. 15]. Или сетовал: «Деньги очень нужны! Постарайтесь получить за экземпляр, а то мне не придется делать Вам заказы не только большие, но и маленькие» [38, л. 23]. А однажды он даже иронизировал: «Очень сожалею, что не имею

возможности приторговать некоторые другие №№, но до Нового года должен воздержаться от новых покупок у московских букинистов, столь дорогих и сердцу, и карману» [37, л. 18].

П.П. Шибанов соглашался с предложениями Н.П. Лихачева не всегда, настаивал на своих оценках или шел на уступки только частично. В марте 1905 г. библиофил с неохотой принял его условия: «На 75 р[ублей], нечего делать, согласен», что было на 5 рублей больше того, что хотел сам [37, л. 14, 15], а за «собрание од и речей» заплатил 31 рубль, хотя оценивал в 25 [38, л. 8]. За издание трагедии «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжни-на [106] и за неназванный труд князя М.М. Щербатова Н.П. Лихачев предлагал 50 рублей, вопреки назначенным 65 [38, л. 17].

Н.П. Лихачев подозревал, причем, возможно, небезосновательно, что П.П. Шибанов скрывает от него редкие издания, и неоднократно выражал неудовольствие за предвзятое отношение. Купив указанное выше редкое «собрание од и речей», интересовался его провенансом: «Думаю, что Вы приобрели большую партию и, вероятно, в ней были брошюры и получше присланных, среди коих нет ни одной заведомо редкой» [38, л. 8]. Узнав, что к П.П. Шибанову поступила библиотека Д.И. Образцова, заметил, что там находится немало иностранных книг, для него «соблазнительных» [38, л. 23]. Весной 1905 г. внимание коллекционера привлекла купленная букинистом часть книжного собрания библиофила и суконного фабриканта Н.И. Носова. «Удивляюсь, что не хотите ничего продать из Нос[овской] библиотеки!» Говорят, будто продава-

ли?» — возмущался он [37, л. 17 об.]. Жалобы на игнорирование повторились и в письмах 1908 г.: «Много у Вас песенников, а мне ничего не предложили!» [37, л. 25].

П.П. Шибанов все упреки в предвзятости, конечно, отрицал. Сохранился недатированный и неоконченный черновик его письма, в котором, собираясь в Петербург и готовясь к встрече с постоянным покупателем, книготорговец не без иронии обещал показать «такие редкости, каких не видел не только мир, но даже и сам Соловьев»⁸, а на обороте записал перечень из четырех предназначенных для Н.П. Лихачева книг [54, л. 1—1 об.].

П.П. Шибанов в значительной степени способствовал формированию уникальной библиотеки Н.П. Лихачева. Благодаря ему, по нашим подсчетам, она пополнилась более чем 800 изданиями (включая те, которые упомянуты в письмах букинисту; хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства [107, л. 3—44])⁹. Понимая зависимость от книготорговца, одно из писем библиофил закончил язвительно: «Весь Ваш и в Ваших руках клиент Ваш» [38, л. 17].

Контакты между Н.П. Лихачевым и П.П. Шибановым были взаимовыгодными, историк неоднократно отдавал букинисту на комиссию

свои издания [38, л. 18], причем обязательно указывал, если это экземпляры авторские, редкие, оправдывая таким образом установленные им высокие цены, которые в дальнейшем мог и повышать. Посылая в сентябре 1891 г. несколько экземпляров книг, как он выразился, видимо, поддразнивая книготорговца, «о бумаге» [109], Н.П. Лихачев увеличил цену до 5 рублей «ввиду того, что большинство экземпляров, предназначенных для продажи, будут розданы» [37, л. 6].

Вырученные деньги регулярно тратились на покупки у того же П.П. Шибанова. Например, в июле 1893 г. библиофил просил оплатить из причитавшихся ему средств экземпляр «Библиографических записок» за 1892 г. [37, л. 7]. В другой раз поставил заказ книг в зависимость от продажи своего атласа русских икон [64]: «Буде продадите мои альбомы — стану покупатель, но отнюдь не на всю сумму» [38, л. 20, 22]. По свидетельству эпистолярных источников, к 1907 г. П.П. Шибанов получил в общей сложности шесть экземпляров этого дорогого издания [37, л. 23]. Н.П. Лихачев шел навстречу пожеланиям букиниста передать на комиссию свои труды не всегда. Когда в 1908 г. тот хотел получить для продажи «Лекции по дипломатике» [110], которые читались ученым в Санкт-Петербурге, то последовал ответ, что они «изданы слушателями на правах рукописи и продаются исключительно в Археологическом институте» [37, л. 29]. Тем не менее ловкий торговец сумел раздобыл пять экземпляров не поступавшего в книжные магазины издания.

Письма П.П. Шибанову — сугубо деловые, посвящены конкретным сю-

⁸ Соловьев Николай Васильевич (1877—1916), антиквар-букинист, библиофил, издатель журналов «Антиквар» и «Русский библиофил».

⁹ В настоящее время в библиотеке Санкт-Петербургского института истории находится около 5500 книг и брошюр, а также 135 наименований периодических изданий с 1700 по 1825 г., ранее входивших в собрание Н.П. Лихачева [108, с. 56].

жетам, но и в них нашлось место для книговедческих наблюдений Н.П. Лихачева. Между прочим, мимоходом он уточнил год издания брошюры К.Ф. Фукса: вместо 1817-го назвал верный 1820-й [37, л. 4; 103], при заказе «Каталога писателей...» Адама Селлия указал на возможное наличие второй обложки с датой «1813 год» [37, л. 1; 82], а собрание од и речей легко датировал 1801 годом [38, л. 8].

Самое длинное и последнее из сохранившихся писем П.П. Шибанову имеет дату 27 апреля 1927 года. Оно касается не пополнения библиотеки (хотя в нем выражалась благодарность за две неназванные брошюры), а содержит изложение взглядов Н.П. Лихачева на библиографию.

Поводом стал напечатанный букинистом список дезидерат русских книг [111], который академик охарактеризовал как дело «немаловажное по значению и большое по труду выполнения» [52, с. 180; 37, л. 31]. Но сразу отметил и принципиальные недостатки перечня: исключение из него легучих изданий (под ними подразумевались листовки «в старом значении слова»), манифестов и указов, с чем библиофил согласился, однако игнорирование календарей, книжных росписей и «всей генеалогии», объясненное их редкостью, отверг категорически. Одновременно он указал на противоречия и пропуски в списке, на терминологическую нечеткость при разграничении понятий «книга редкая» и «книга ценная» (для их уточнения отсылал П.П. Шибанова к европейской историографии, где подобная терминология «детально разработана»).

В качестве руководства предлагалась следующая классификация: 1) книги

ценные (хотя бы и незначительной ценности); 2) книги редкие; 3) книги очень редкие; 4) «книги чрезвычайной редкости, известные в одном или нескольких экземплярах» [52, с. 181; 37, л. 34].

Кроме того, замечание вызвали цены. Книготорговец указал их на «вполне сохранившиеся экземпляры», хотя так делать, по мнению Н.П. Лихачева, ни в коем случае нельзя, поскольку по ним «будут предъявлять всякие фрагменты», да и комплекты многих журналов трудно найти [52, с. 181; 37, л. 35].

Н.П. Лихачев

годы войн и революций

В письмах конца 1910-х — начала 1920-х гг. упоминалось об отношении библиофила к бурным политическим процессам, проходившим в России. Он эмоционально откликался и на события мировой войны, и на бытовые последствия революционных потрясений, которые интересовали его, прежде всего, в контексте возможности продолжать исследования.

В октябре 1915 г. историк признался В.К. Трутовскому: «Не могу работать из-за переживаемых событий, волнуясь и кисну» [27, л. 1]. Он мучительно воспринимал вызванные войной трудности с изданием книг и рост цен на полиграфические работы: «Не вовремя печатать теперь! Я, было, приценялся к снимкам и клише для одной задуманной статьи и пришел в ужас. Фотографии скверные и дорогие (материалов нет). Цены для таблиц невероятные, бумаги нет и выбрать не из чего» [27, л. 1—1 об.]. Итоги в восприятии новой ситуации подвело письмо Л.Э. Бухгейму от 14 января 1917 г.: «Радуюсь, что Вы не унываете и продолжаете издательскую деятельность, несмотря на невозможные усло-

Рис. 11. Дом Карповых в Москве на улице Большая Ордынка, где Н.П. Лихачев жил в 1917–1918 гг. 2024 г. (ныне Большая Ордынка, д. 36)

вия относительно бумаги и печатания. Я смирился — ничего не печатаю и не подготавливаю к печати» [33, л. 5].

Политические потрясения бедственно отразились на судьбе Н.П. Лихачева и его коллекций, за сохранность которых он небезосновательно сильно беспокоился. В автобиографии, написанной в 1919 г., историк сожалел о прерванных войной трудах по библиографии и книговедению (в числе которых назвал исследование о приемах внешней критики официальных и частных писем), а собственное положение описал следующим образом: «Сначала жестокая война, потом переворот лишили [меня] возможности производить какие-либо систематические научные занятия. А затем... Н.П. Лихачев, оставшийся на одном жаловании Археологического инсти-

тута (840 р[ублей]), лишенный всех сбережений, обремененный многочисленной семьей, большая часть которой состоит из нетрудоспособных или малолетних членов, ныне тяжело переживает тридцать пятый, юбилейный <...> год своей деятельности среди лишений всякого рода» [35, л. 9]. Эпистолярные источники полностью подтверждают эти горькие слова.

В условиях «диктатуры пролетариата» историк как дворянин, домовладелец и монархист, несмотря на все блистательные научные заслуги, оставался «классовым врагом», к которому могли применяться меры любой степени жестокости, вплоть до экспроприации, и новые власти этим правом воспользовались, опечатав его вещи в московской квартире. Осенью 1920 г. Н.П. Лихачев обратился за по-

Нумов О.Н. Эпистолярное наследие историка, библиографа и библиофила Н.П. Лихачева в отделе рукописей...

Рис. 12. Николай Петрович Лихачев после возвращения из ссылки вместе с сестрой Марией Петровной Козиной и неизвестной. Между 1933 и 1936 гг. Собрание О.Н. Наумова

мощью к В.Д. Бонч-Бруевичу, используя личные проблемы для описания общей картины положения ученых и условий их работы в советской России [48; 31, л. 2–3].

Письмо было ответом на помещенный старым большевиком в «Известиях» некролог выдающегося филолога и лингвиста академика А.А. Шахматова [112]. Не стесняясь своих эмоций и не боясь последствий, историк указал В.Д. Бонч-Бруевичу на то, что «положение ученого мира — грязное», а покойный «переносил современное положение вовсе не бодро», как тот утверждал, «а в глухом и глубоком отчаянии», поскольку не имел возможности продолжать исследования, сильно нуждался и, несмотря на личный паек, «не мог вывести семьи из нужды» [48, с. 111; 31, л. 2–2 об.].

В контексте такого отношения новой власти к научному сообществу рассказывалось и о личных проблемах. Надо отдать должное, адресат отнесся к просьбе о помощи участливо и отреагировал быстро. Уже через несколько

дней, 30 октября 1920 г., Н.П. Лихачев письменно благодарил его, восхищаясь тем, что необходимые для снятия печатей и возврата вещей документы, предназначенные жилищному отделу, подготовили сразу же («правосудие было совершено с поразительной быстротой»). Впрочем, «исполнение предписания не оказалось на той же высоте», комната оставалась опечатанной и через 10 дней [31, л. 1]. В конце концов помещение у ученого все-таки отняли (рис. 11).

После 1917 г. научные изыскания осложняли бытовые трудности и состояние здоровья, 24 ноября 1922 г. Н.П. Лихачев жаловался Н.Н. Орлову на невозможность продолжать планомерные исследования: «Очень сожалею, что современная жизнь и многочисленные служебно-ученые занятия не дают возможности отдохнуть на библиографических и библиофильских затеях. Целый день занят до переутомления» [34, л. 2]. Ситуация не изменилась и к весне 1923 г., когда историк рассказывал Б.С. Боднарскому о своей жизни, сообщив, что работает «с чрезвычайным усердием, как бы стараясь наверстать последние годы и успеть высказаться. <...> Прочитал я целый ряд рефератов, сделал несколько ученых докладов — и все останавливается на половине дороги, незаконченным. Вероятно, так и пропадет. Сленки, снимки, клише совершенно недоступны; печататься нигде. Многие работы брошены на произвол судьбы, авось — еще когда-нибудь окончу, а, сами знаете, через несколько месяцев забывается, что именно не доделано» [32, л. 1 об. — 2]. Эти мысли логически продолжило сожаление о прекращении издательской деятельности Л.Э. Бухгейма, выражен-

ное в письме к Н.Н. Орлову от 23 марта 1925 г. [34, л. 17].

Следует отметить тематическую эволюцию писем Н.П. Лихачева советского периода: в них почти не упоминалось о собирательской деятельности, публикации новых трудов и собственных исследованиях. Зато описывались бытовые проблемы и препятствия для научного творчества. Такие метаморфозы отразили регресс отечественной науки в первые послереволюционные годы. Однако ученый остался несломленным и смог сохранить веру в науку и стремление к исторической истине (рис. 12).

Эпистолярные источники составляют неотъемлемую часть творческого наследия Н.П. Лихачева. Многие из них продолжают печатные труды ученого, дополняют их новыми сюжетами, раскрывают источниковедческие и методические основы, которые использовались для того, чтобы получить точное и полное знание о прошлом. Следует помнить, что для писем, хранящихся в фондах РГБ, основная проблематика тесно связана с историей книги и библиофильства.

Эпистолярные тексты сложны для анализа, их нужно осмысливать комплексно, обязательно учитывая ситуативный и историографический контекст. Только такой подход обеспечивает интерпретацию этих источников, а также реализацию других этапов внешней и внутренней критики. Например, установлено, что значительная часть писем Н.П. Лихачева П.П. Шибанову создана в процессе прагматического диалога, а поэтому не датирована. Для установления хро-

нологических характеристик каждого письма необходимо взаимное сопоставление текстов с учетом упоминаний о покупке конкретных книг.

Например, в одном из писем, помеченном «11 октября», но без указания на год [38, л. 39], историк сообщал о получении «Летописи Несторовой», изданной в 1824 г. [99]. Между тем из другого текста известно о заказе этой книги 6 сентября 1885 г. [37, л. 1], что позволяет дополнить дату в первом источнике конкретным годом. Не менее перспективным является сравнение писем с источниками других видов. Так, протокол заседания Археографической комиссии от 17 ноября 1906 г., на котором было решено выписать Рогожский летописец в Санкт-Петербург, дает возможность отнести один из текстов, отправленных Н.П. Лихачевым И.В. Власову [29, л. 10], к концу указанного года, и интерпретировать его содержание, установив, о какой неназванной точно рукописи в нем сообщалось.

В конце XIX — первой трети XX в. эпистолярное общение представляло собой одну из форм научной деятельности и, по сути, стало всеобъемлющей информационной системой, в которую априори были вовлечены все ученые, поэтому для объективного осмысления истории отечественной науки и книжной культуры необходимо использовать не только печатные труды, рукописи исследований, но и переписку.

Письма являлись неотъемлемым элементом постоянного, напряженного диалога, который Н.П. Лихачев вел с научным и библиофильским сообществом. Их систематическое, целенаправленное выявление, изучение и публикация может в значительной

Нумов О.Н. Эпистолярное наследие историка, библиографа и библиофила Н.П. Лихачева в отделе рукописей...

степени компенсировать информационные лакуны в фрагментарно сохранившемся фонде источников.

В контексте такого познавательного тренда эпистолярное наследие учебного из отдела рукописей РГБ приобретают статус ценного источника, который существенно расширяет и уточняет представление о процессах, происходивших в различных областях гуманитарного знания в России и особенно книжной культуры конца XIX — первой трети XX века.

Список источников

1. «Звучат лишь письма...» : к 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева : каталог выставки. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 598 с. : ил., портр., факс.
2. *Простоволосова Л.Н.* Н.П. Лихачев: судьба и книги : библиогр. указ. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. 56, [1] с. : факс.
3. Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. Т. 29. 528 с. : ил.
4. *Самарин А.Ю.* «Лишь слову жизнь дана» // Историк. 2022. № 4. С. 60–63.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПб. ФАРАН). Ф. 246 (Н.П. Лихачев).
6. Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 1256 (Н.П. Лихачев).
7. *Миронова Е.В.* К атрибуции фонда Н.П. Лихачева в РГАЛИ // Отечественные архивы. 2023. № 2. С. 28–31.
8. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 216. Д. 1860. Л. 41–56.
9. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. Москва : Древлехранилище, 2001. 527 с., 1 л. ил.
10. *Наумов О.Н.* «Мы ведь все столько пережили за это время» : письма Н.П. Лихачева В.И. Срезневскому и А.И. Соболевскому (1917–1934 гг.) // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2023. Т. 1, вып. 1. С. 181–195. DOI: 10.62139/2949-608X-2023-1-1-181-195.
11. *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич как «душеприказчик» Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 26. С. 105–113.
12. Письма Н.П. Лихачева к А.В. Орешникову (1917–1922) // Река времен. Москва : Эллис лак, 1995. Кн. 2. С. 154–191.
13. Письмо Н.П. Лихачева С.И. Порфирьеву 21/8 декабря 1921 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 27. С. 358–360.
14. *Шохин Л.И.* Письма Н.П. Лихачева С.Д. Шереметеву // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 26. С. 48–54.
15. Источники по истории Русского генеалогического общества / подгот. публ., предисл., коммент. О.Н. Наумова // Из истории Русского генеалогического общества : сб. ст. и материалов. Санкт-Петербург : ВИРД, 2001. С. 17–54.
16. *Чижов С.И.* Русская нумизматика : библиографический опыт / под ред. П.Г. Гаидукова, М.А. Смирновой. Москва : Русское слово, 2022. 580, [1] с. : ил., факс.
17. *Наумов О.Н.* [Рецензия] // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1995. Вып. 3. С. 114–116. Рец. на кн.: Простоволосова Л.Н. Н.П. Лихачев: Судьба и книги : биобиблиогр. указ. Москва : Российский гос. гуманитарный ун-т, 1992. 56 с. : ил.
18. Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Москва : Наука, 2003. Т. 1. 386, [2] с., [3] л. ил., портр.

19. Наумов О.Н. «Простите библиофильские увлечения»: письма Д.В. Ульянинского книговедам, издателям, коллекционерам // Библиография и книговедение. 2023. № 4. С. 80–95. DOI: 10.25281/2411-2305-2023-5-80-96.
20. Климанов Л.Г. Из истории изучения папской дипломатики в России (по письмам Н.П. Лихачеву Е.Ф. Шмурло, ученого корреспондента в Риме при Историко-филологическом отделении Императорской Академии наук, и дом Урсмера Берлиера, члена Бельгийской королевской исторической комиссии) // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 29. С. 143–154.
21. Наумов О.Н. Письма Н.П. Лихачева Л.М. Савелову как источник по истории генеалогии // Известия Русского генеалогического общества. 2017. Вып. 32. С. 233–238.
22. Бартельс Н.В. Вопросы реставрации и изучение икон в частных собраниях (по материалам переписки Н.П. Лихачева и И.С. Остроухова) // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 29. С. 285–297.
23. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 10 (Д.Н. Анучин). К. 9. Д. 161. 1 л.
24. ОР РГБ. Ф. 16 (Я.Л. Барсков). К. 3. Д. 44. 1 л.
25. ОР РГБ. Ф. 23 (С.А. Белокуров). К. 18. Д. 37. 1 л.
26. ОР РГБ. Ф. 237 (Н.А. Попов). К. 12. Д. 37. 3 л.
27. ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). К. 680. Д. 29. 1 л.
28. ОР РГБ. Ф. 351 (А.И. Юшков). К. 1. Д. 20. 2 л.
29. ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). К. 191. Д. 15. 11 л.
30. ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). К. 191. Д. 16. 2 л.
31. ОР РГБ. Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 296. Д. 27. 3 л.
32. ОР РГБ. Ф. 573 (Б.С. Боднарский). К. 41. Д. 76. 2 л.
33. ОР РГБ. Ф. 663 (Л.Э. Бухгейм). К. 1. Д. 58. 5 л.
34. ОР РГБ. Ф. 382 (Н.Н. Орлов). К. 15. Д. 7. 24 л.
35. ОР РГБ. Ф. 382 (Н.Н. Орлов). К. 7. Д. 27. 9 л.
36. ОР РГБ. Ф. 864 (К.М. Параделов). К. 5. Д. 11. 1 л.
37. ОР РГБ. Ф. 342 (П.П. Шибанов). К. 27. Д. 48. 37 л.
38. ОР РГБ. Ф. 342 (П.П. Шибанов). К. 27. Д. 49. 46 л.
39. ОР РГБ. Ф. 342 (П.П. Шибанов). К. 27. Д. 50. 1 л.
40. СПб. ФАРАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 75. 1 л.
41. СПб. ФАРАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 86. 2 л.
42. СПб. ФАРАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 108. 4 л.
43. СПб. ФАРАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 291. 4 л.
44. СПб. ФАРАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 377. 8 л.
45. СПб. ФАРАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 411. 4 л.
46. СПб. ФАРАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 428. 4 л.
47. ОР РГБ. Ф. 351 (А.И. Юшков). К. 8. Д. 22. 2 л.
48. «Положение ученого мира теперь тяжело» (письмо Н.П. Лихачева В.Д. Бонч-Бруевичу) / подгот. публ., предисл., коммент. О.Н. Наумова // Отечественные архивы. 1997. № 1. С. 110–112.
49. Наумов О.Н. Русский историк и архивист А.И. Юшков // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения : тез. докл. и сообщ. Москва : Российский гос. гуманитарный ун-т, 1995. Ч. 2. С. 378–385.

50. *Наумов О.Н.* Русский историк и архивист А.И. Юшков // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения : сб. ст. и тез. докл. Москва : Русский мир, 1999. С. 297–303.

51. *Наумов О.Н.* Очерки по русской генеалогии : избр. тр. Москва : Старая Басманная, 2012. 662 с., 16 л. ил.

52. Письмо Н.П. Лихачева П.П. Шибанову // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1989. Сб. 59. С. 180–181.

53. ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). К. 191. Д. 1. 1 л.

54. ОР РГБ. Ф. 342 (П.П. Шибанов). К. 60. Д. 28. 1 л.

55. *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века : опыт исторического исследования. Санкт-Петербург : тип. В.С. Балашева, 1888. XVI, 559, 72, 101, VI с.

56. *Корсаков Д.А.* Московский Разрядный приказ и книга Н.П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в.» // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 265, № 10. С. 290–325.

57. *Лихачев Н.П.* Ответ суровому критику : возражения на рецензию Д.А. Корсакова на книгу «Разрядные дьяки XVI в.» [Москва : тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. 86, [1] с.

58. *Оглоблин Н.Н.* Происхождение провинциальных подьячих XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. 295, № 9. С. 118–150; № 10. С. 219–241.

59. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А.И. Юшков. Москва : Унив. тип., 1898. Ч. 1. [2], XV, 416 с.

60. *Лихачев Н.П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Санкт-Петербург : тип. В. Балашева и К°, 1895. Вып. 1 : Духовные и сговорные грамоты; Вып. 2 : Грамоты правые. X, 272, VI с.

61. *Лихачев Н.П.* По поводу сборника А.И. Юшкова «Акты XIII–XVII вв., представ-

ленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества» // Сборник Археологического института. Санкт-Петербург, 1898. Т. 6. С. 17–31.

62. Полное собрание русских летописей. Петроград : [б. и.], 1922. Т. 15, вып. 1 : Рогожский летописец. VIII, 186 с.

63. *Кучкин В.А.* Об издании Рогожского летописца // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3. С. 101–109.

64. *Лихачев Н.П.* Материалы для истории русского иконописания : атлас. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1906. Ч. 1–2.

65. ОР РГБ. Ф. 339 (А.А. Шемшурин). К. 1. Д. 3. 246 л.

66. Сочинения Михаила Николаевича Лонгинова. Москва : Л.Э. Бухгейм, 1915. Т. 1 / [предисл. Л.Э. Бухгейма]. XII, 615 с., 1 л. фронт.

67. *Поляков А.С.* Труды профессора Семена Афанасьевича Венгерова : библиогр. перечень. Москва : Л.Э. Бухгейм, 1916. VI, 77 с., 1 л. портр.

68. Тридцать пять лет деятельности Русского библиографического общества при Московском университете. 1889 – 4/17 октября – 1924. Москва : [б. и.], 1925. 129 с.

69. Памяти Д.В. Ульянинского : доклады Р.А. Брандта, Б.С. Боднарского, Н.М. Лисовского и У.Г. Иваска. Москва : Б.и., 1923. 32 с., 1 портр.

70. Сочинения императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург : Имп. Акад. наук, 1901–1907. Т. 1–2.

71. *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. Москва : тип. Грачева и К°, 1867. [4], IV, 384, 176 с.

72. *Лихачев Н.П.* Григорий Николаевич Городчанинов и его сочинения : библиогр. заметка. Казань : тип. Имп. ун-та, 1886. [4], 84, 3 с.

73. Библиотека Д.В. Ульянинского : библиогр. описание. Москва : тип. П.П. Рябушинского, 1912. Т. 2. [4], X, 410, [2] с.

74. *Лихачев Н.П.* Два митрополита. Санкт-Петербург : тип. М.А. Александрова, 1913. 8 с.

75. *Лихачев Н.П.* Краткая история города Казани, починенная профессором Фуксом. Санкт-Петербург : тип. Голике и Вильборг, 1903. 11 с. : ил.

76. Библиографическая летопись. Санкт-Петербург : тип. Я. Башмаков и К°, 1917. Вып. 3. 174 с.

77. *Лихачев Н.П.* Корнилий Тромонин и афонская рукопись 1292 года. [Санкт-Петербург] : тип. Имп. Акад. наук, 1896. 3 с.

78. *Лихачев Н.П.* Академическое призывательное письмо 1730 года. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1895. 69—73 с., 1 л. факс.

79. *Лихачев Н.П.* По поводу издания «Liste des pièces imprimées pour la plupart a Venise en 1797 pendant l'occupation française». Санкт-Петербург, 1898. 25 с.

80. *Бецкой И.И.* Учреждение Императорского воспитательного дома для приносных детей и гошпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве. Санкт-Петербург : печ. при Имп. Акад. наук, 1762. [Ч. 1]. 52, 62 с.

81. ОР РГБ. Ф. 342. К. 56 Д. 22. 2 л.

82. *Никодим (Селлий А.Б.)* Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю / сочиненный Адамом Селлием. Москва : в тип. С. Селивановского, 1815. 68, [2] с.

83. Древняя российская вивлиофика. Москва : тип. Комп. типографич., 1791. Ч. 17. [2], 2, 455 с.

84. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам / соч. И.И. Голикова. 2-е изд. Т. 13. Москва : тип. Н. Степанова, 1840. 738, XXVIII с.

85. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / [предисл.: Д. Языков]. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1840. [4], IV, 314, [31] с.

86. Записки Василия Александровича Нащокина / [предисл.: Д. Языков]. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1842. [2], VI, [2], 385 с.

87. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. Санкт-Петербург : при Имп. Акад. наук, 1770. [8], 190 с., 8 л. карт., план.

88. *Лихачев Н.П.* Казанский вестник (история издания и указатель содержания) // Книговедение. 1894. № 2—4, 6—7/8, 11/12.

89. *Спиридов М.Г.* Сокращенное описание служеб благородных российских дворян. Москва : Унив. тип., 1810. IV, 343 с.

90. *Берх В.Н.* Систематические списки боярам, окольничим и думным дворянам с 1468 года до уничтожения сих чинов. Санкт-Петербург : тип. Х. Гинце, 1833. VIII, 66 с.

91. *Яковкин И.Ф.* Летосчислительное изображение российской истории. Санкт-Петербург : при Имп. Акад. наук, 1798. 42, [2] с.

92. Статский календарь на 1765 год : с приложением списка всех находящихся у статских дел, как господ сенаторов, так и прочих в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах присутствующих, тако ж обер-секретарей, экзекуторов и секретарей. В Санктпетербурге : при Сенате, [1765]. [262] с.

93. *Щербатов М.М., кн.* История российская от древнейших времен. Санкт-Петербург : при Имп. Акад. наук, 1770—1791. Ч. I—VII.

94. *Холщевников Е.Ф.* Копии с надписей которые означены при Нерукотворенном образе Христа спасителя нашего, имевшемся в Ярославской градской церкви святыя мученицы Параскевии, нарицаемая Пятницы, что на Туговой горе. [Ярославль], 1790. [2], 11, [1], 6, [2] с.

95. *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех пор-

тах и границах. Санкт-Петербург : при Имп. Акад. наук, 1781–1788.

96. *Бларамберг И.П.* Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя / пер. с фр. А.П. Москва : в Унив. тип., 1828. [4], VII, [1], 13–64, [2] с., 22 л. табл., 1 л. план.

97. *Лихачев Н.П.* Воспоминания библиофила и собирателя рукописей и автографов // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1991. Сб. 62. С. 192–211.

98. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Санкт-Петербург, [1799–1800]. Ч. 1–2.

99. Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия. Москва : в Унив. тип., 1824. VIII, 105, [1] с.

100. Епистола ея императорскому величеству всепресветлейшей героине великой императрице Екатерине II от верноподданнейшего Николая Струйского : Саранск. 1789. [2-е изд.]. [Санкт-Петербург] : [тип. И.К. Шнора], [1790]. XXVIII с.

101. *Бок И.Г.* День во веки преславный коронования всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы все-российския; Перевод с немецкаго языка [М.В. Ломоносова]. [Москва] : печ. при Имп. Московском ун-те, 1758. [4] с.

102. Книга степенная царскаго родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича. Москва : при Имп. ун-те, 1775. Ч. 1. [2], VIII, 580 с.

103. *Фукс К.Ф.* Краткая история города Казани. Казань : тип. Казанского ун-та, 1817. 60 с.

104. *Белосельский-Белозерский А.М., кн. Олинъка*, или Первоначальная любовь. [Москва : тип. А. Решетникова, 1796]. [2], 61, [1] с.

105. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург : тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 1–3.

106. *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский. Санкт-Петербург : при Имп. Акад. наук, 1793. 73 с.

107. РГАЛИ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 103. 82 л.

108. *Панченко Е.З.* Собрание русских книг XVIII – начала XIX веков в библиотеке Н.П. Лихачева // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства : материалы VIII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2001. С. 56–60.

109. *Лихачев Н.П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве : историко-археографический очерк. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1891. 106, [4] с., 116 л. ил.

110. *Лихачев Н.П.* Из лекций по дипломатике, читанных в Императорском Археологическом институте. Санкт-Петербург, 1905–1906. 266 с. : ил.

111. *Шибанов П.П.* Desiderata русского библиофила : Редчайшие книги и их современная расценка : (К докладу в Русск. о-ве друзей книги 15 апреля 1927 г.). Москва : 13-я тип. Мосполиграф «Мысль печатника», 1927. 15 с.

112. *Бонч-Бруевич В.Д.* Памяти русского ученого А.А. Шахматова // Известия. 1920. 12 окт. № 227.

Иллюстрации предоставлены автором статьи.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024;
принята к публикации 06.05.2024.

The Epistolary Legacy of Historian, Bibliographer and Bibliophile N.P. Likhachev in the Department of Manuscripts of the Russian State Library

Oleg N. Naumov

Russian State Library, State University of Education, Moscow, Russia

ORCID 0000-0002-2442-2561; onnaum@mail.ru

Abstract. In the article analyses the epistolary heritage of the historian, bibliophile, bibliographer, art historian and collector, academician N.P. Likhachev (1862–1936), which is kept in the Manuscripts Department of the Russian State Library. A total of 109 letters and telegrams (dating from 1885 to 1927) have been discovered. These texts contain diverse and reliable information about the main events of the biography, scientific interests and personality of the eminent scholar, including the discussion in connection with the publication of his fundamental monograph on the hierarchy of 16th century dyaks (1888), his contribution to the study of icon painting, his publishing activities, his cooperation in public organisations, his attitude to the book as a cultural phenomenon, and his bibliophile preferences. Most of the letters are in the fund of the antiquarian book dealer P.P. Shibanov and concern the formation of the historian's library, the purchase of books, criteria for their selection, prices for antiquarian editions, and the distribution of his own works. Special attention is paid to the fate of N.P. Likhachev after 1917, first of all to the difficulties he faced in his scientific activity and everyday life. The epistolary sources significantly expand and clarify the ideas of modern science about the development of many areas of Russian humanitarian knowledge: bibliology, bibliophilia, archaeography, art history, medieval studies, source studies, etc.

Keywords: N.P. Likhachev, P.P. Shabanov, L.E. Buchheim, N.N. Orlov, V.I. Lenin State Library of the USSR, Russian State Library, epistolary sources, personal archival funds, history of book culture, bibliology, bibliography, archaeography, antiquarian book trade.

Citation: Naumov O.N. The Epistolary Legacy of Historian, Bibliographer and Bibliophile N.P. Likhachev in the Department of Manuscripts of the Russian State Library, *Bibliografiya i knigovedenie* [Bibliography and Bibliology], 2024, no. 2, pp. 87–117. DOI: 10.25281/2411-2305-2024-2-87-117.

The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 04.04.2024;
accepted for publication 06.05.2024.